

13-Й ОТДЕЛ НКВД

ПАВЕЛ
БАРЧУК

Павел Барчук
13-й отдел НКВД. Книга 1
Серия «Чекист», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70341514

Аннотация

Уход из убойного отдела на заслуженную пенсию и домик на берегу моря – вот мои планы на ближайшее будущее. Три раза "ха-ха" – сказала Судьба и закинула меня в 1941 год. Оказаться в теле родного деда, сотрудника таинственного 13-го отдела НКВД, – легко. Предотвратить роковое событие – да пожалуйста. Но на деле вышло иначе. Теперь передо мной задача похлеще, чем поимка маньяка. Пока я не сделаю то, что должен, возвращение обратно отменяется...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	54
Глава 6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Павел Барчук

13-й отдел НКВД

Глава 1

День не задался с самого утра. Прямо скажем, дерьмовый вышел день. К вечеру появилось огромное желание напиться или послать все к черту. Честно говоря, послать к черту хотелось гораздо сильнее, чем напиться, но...

«Наша служба и опасна, и трудна...»

Я мысленно повторял строчку из старой песни, наверное, миллионный раз, будто она могла облегчить ситуацию или что-то изменить.

Дело, которым занимался без продыху второй месяц, обретало весьма поганые черты и грозило перейти в руки следственного комитета, если коротко, то «су ска».

Третье убийство с одним и тем же почерком, да ещё попадающее сектантством. Похоже, у нас появился серийный маньяк. И это совсем ни к месту.

После первого случая я искренне надеялся, разберусь с убийцей, найду его, поймаю, посажу, а потом отправлюсь на пенсию. Лебединая песня, которая закончится прощанием с

родным отделом и заслуженным отдыхом. Воображение рисовало небольшой домик на берегу моря, домашнее вино по вечерам и, наконец, устройство личной жизни. Не то, чтоб с ней были проблемы, но все же в тридцать три пора бы семью завести. Однако, за первым убийством последовало второе, потом третье. И все, как под копирку.

– Симонов!

Окрик начальника отдела догнал меня уже на выходе. Я матернулся в сторону, скривился, как от зубной боли, но остановиться все же пришлось.

– Слушаю, Николай Петрович! – Вытянулся по струнке и широко улыбнулся, демонстрируя радость от лицемерия руководства.

– Ты мне чего скалишься? Документы готовы? Завтра явится человек из «су ска», а у тебя конь не валялся. – Подполковник Матвеев был как всегда суров и непоколебим. Строгий взгляд, сведённые брови. Не знал бы, что он представляет из себя на самом деле, наверное, даже поверил бы.

– Обижаете...

Только я собрался с максимальной правдивостью разыграть перед начальством оскорбленного мента, как мое внимание привлек очень странный человек.

На заднем фоне, ровно за спиной подполковника из-за угла вышел незнакомый тип, которого тут никак присутствовать не могло. Мужику на вид можно было дать лет сорок. Его прикид вызывал желание выскочить на улицу, закрыть

дверь и посмотреть, что написано на табличке. Точно ли мы находимся в отделе полиции? Потому как незнакомец вызывал огромное в этом сомнение.

На нем были надеты широкие канареечного цвета штаны, зелёный «вырви глаз» пиджак, судя по отливу ткани, сшитый из бархата, малиновая бабочка и клетчатая кепка. Я подобных моделей, речь в данном случае о кепке, не видел с детства. Помню, нечто подобное носили мужики в деревне, куда родители отправляли меня на каникулы.

Но это было лишь начало. Незнакомец вдруг откровенно уставился на нас с подполковником, а потом вообще хитро подмигнул одним глазом.

– Симонов! Твою мать! Куда ты смотришь? – Николай Петрович оглянулся.

Я ожидал реакции, подобной моей. Ну, как минимум, удивления. Однако, Матвеев, будто ни в чем не бывало, снова повернулся ко мне. Спокойный. Уравновешенный. Только немного злой, но причиной злости являлся не посторонний клоун, которого в убойном отделе быть не могло, а та же проблема, что беспокоила и меня уже не первый день. То есть – убийства, повторяющиеся друг за другом, с которыми разобраться мы всеми силами старались, но не выходило ни черта.

– Шуруй в кабинет и доведи до ума. Я позориться перед «су ском» не хочу. Ясно? А то вместо спокойного ухода на пенсию, получишь серьезные проблемы. Понял?

– Николай Петрович, Вас ничего не смущает?

Посмотрел через плечо Матвеева. Мужик наблюдался на том же месте. Более того, он почесал курносый, похожий на картошку нос, показал расхожий жест «сообразим на троих?», а затем подмигнул, но уже другим глазом. И самое поразительное, они у него были радикально разные. Один – ярко-синий. Второй – ярко – жёлтый, словно принадлежал не человеку, а дикому коту. На секунду даже показалось, что зрачок именно в этом, жёлтом – продолговатый, тигриный. Расстояние между нами было приличное. Орлов в роду не имеется. Все люди. Разглядеть столь мелкую деталь теоретически не смог бы никто.

Я зажмурился, искренне надеясь, сейчас отпустит. Мало ли. Вдруг мерещится с устатку. Ни хрена. Когда снова посмотрел вперёд, тип стоял на месте, улыбаясь мне, словно мы друзья-товарищи.

– Симонов, ты мне чё тут устроил? Кривляешься, как дурак! Говорю, топай обратно на рабочее место.

– Николай Петрович, посмотрите, сзади вас мужик. Кто это? Почему шляется по убойному отделу? Не проходной двор, так то. – Даже голос до шепота не понизил. Пусть слышит клоун. Нам, честным ментам, скрывать нечего.

Подполковник резко замолчал, глядя на меня пристальным внимательным взглядом.

– А ну дыхни! – Матвеев наклонился ближе и потянул воздух носом.

– Ну, Вы совсем уж... Я не пью на работе.

– Знаешь, Симонов, всегда бывают исключения. Не пьешь. Да. Но мало ли. Сейчас такая ситуация, самому бы в запой не уйти... Опять же, если трезвый, тогда, значит, издеваешься. Какой мужик? О чем ты?

– Да вот же... Гляньте.

Моя рука указывала на пустое место. Честно говоря, аж в глазах потемнело. Это что вообще происходит?

Я, попирая субординацию как явление, обошел Матвеева, заглянул за угол. Пустой коридор и кабинеты с закрытыми дверьми. Рабочий день официально закончился, большинство коллег давно смылись от бдительного ока руководства.

– Симонов, ты совсем охренел? Или строишь из себя дурака, чтоб тебя из органов на пенсию поперли быстрее? – Подполковник покрутил указательным пальцем у виска. Потом, видимо, решил, показывать на себе – плохая примета, в два шага подскочил ко мне и тем же указательным пальцем покрутил у виска ещё раз, правда, теперь у моего.

И ведь ничего не скажешь в ответ. Но мужик был! Я его видел!

– Так, ладно. Иди домой. Сегодня годовщина же ещё. Помню. Пять лет, как Иваныча не стало. Эх... Такой мужик был. Настоящий мент. Не чета современным ослам. Но завтра... – Матвеев свёл брови, загоняя их одну на другую. Это, по его мнению, должно было держать в тонусе всех подчинённых.

Спорить не стал. Кивнул головой, соглашаясь и ощущая, как желание напиться растет в геометрической прогрессии. Сегодня мерещатся мужики, а завтра что? Поскачут розовые единороги? Нет, пора на пенсию. Однозначно.

Подполковник махнул рукой, развернулся и исчез за тем самым углом, откуда приходила моя личная галлюцинация.

Я постоял немного, задумчиво глядя ему вслед. Возникла мысль, может, прикол такой. Мужики, типа глумятся в честь предстоящей пенсии. Вот только Матвеев далек от понятия «юмор», как слон от балета. У подполковника все четко, соответственно старому бородатому анекдоту. Копать от забора и до заката. Допустить, будто начальство приняло участие в розыгрыше никак не могу. Исключено.

В итоге, не придя ни к какому выводу, плюнул и вышел из отдела. Если даже крыша ещё не поехала, то точно поедет, когда я продолжу думать о человеке, которого никто кроме меня не видел.

К дому потопал пешком. Погода стояла отличная. Грех не прогуляться. Лето уже заканчивалось, но солнце жарило так, будто у него в запасе целый сезон.

По пути заскочил в магазин. Сегодня, как верно сказал Матвеев, годовщина. Пять лет назад не стало деда. Нужно помянуть.

Быстро ухватил с полки бутылку «беленькой», колбасную нарезку, сыр, банку соленых помидор. Да, приходится покупать. Делать для меня закрутки некому. Живу один.

Как оказалось, работая в органах не так уж просто найти спутницу жизни. Надёжную, с которой реально можно рука об руку. Тем более, определенное количество лет было проведено там, где семью вообще лучше не иметь. Чтоб некому было оплакивать.

Помню, когда отправлялся в свою первую «горячую» точку, дед молчал несколько дней. Тупо меня игнорил. Но не отговаривал. Хотя, не знаю, что лучше. Его демонстративное «мы не знакомы, кто здесь?» бесило ужасно. Ничего не сказал, даже, когда я взял сумку и вышел из квартиры.

Только, когда вернулся живой, он пожал мне руку, при этом бросив короткое «дурак и есть». Видимо, подразумевалось начало фразы, но оно осталось неизвестным.

Уже на подходе к дому сердце внезапно кольнуло холодной острой иглой. Это было так неожиданно, что я замер, приложив руку к груди. Что, блин, за день? Заговор вселенной или как понимать? Не смотря на пенсию, которая вот-вот должна была стать реальностью, а не мечтой, так то тридцать три исполнилось. Выслуга дала возможность распрощаться с доблестными органами раньше положенного. Но уж всякие инфаркты или инсульты исключаются. Тем более здоровье у меня – дай бог каждому.

– Что такое, господин хороший?

Я обернулся на голос. Рядом стояла бабулька, похожая на розовую воздушную зефирку или английскую королеву. Тут кому что больше нравится. Начиная от платья с невероят-

ным жабó на шее, и заканчивая шляпкой, с полей которой свисала белая вуалька, все в этой старушке навевало мысли о благородном воспитании. Все, кроме манеры говорить и хриплого голоса, подходящего бомжу из подворотни, но никак не этому божьему одуванчику.

– Извините? – Я вежливо улыбнулся, намекая, что не понимаю ее вопроса, но ещё больше не понимаю, чего бы ей не пойти своей дорогой.

Старушка щёлкнула замочком ридикюля, а на локте у нее висела не сумочка, именно ридикюль. До сегодняшнего дня понятия не имел как это выглядит, но уверен, именно так. В руке у нее возник белый, украшенный кружевами носовой платок.

– Возьми, господин хороший. Пригодится.

Меня опять поразило это противоречие. То, как она выглядела и то, что звучало из ее уст. Машинально отметил, раньше, даже мысленно, никогда бы не назвал рот «уста́ми». Видимо, странный день делает странным даже меня.

– Спасибо. Не нужно. Я живу вот в этом подъезде. Просто жарко, наверное. – Повернулся к своему дому, указывая бабуле, куда мне необходимо пойти.

В ответ – тишина. Собрался было культурно распрощаться со старушкой, но внезапно оказалось, рядом никого и нет. На месте, где всего лишь секунду назад стояла «зефирка» с голосом уголовника, сидел жирный черный кот. Смотрела эта скотина насмешливо, вызывающе. Взгляд был настолько

красноречивый, будто меня в наглую оскорбляют, только без слов.

– Так... – Я поставил пакет с продуктами на землю и провел ладонью по лицу. – Это уже вообще не смешно.

Тут же хохотнул от глупости ситуации. Стою, как последний идиот, посреди улицы, говорю сам с собой. Все. Надо быстрее попасть домой, поужинать и лечь спать. Сегодня явно что-то пошло не так.

Подхватил провиант и ускорился, направляясь к подъезду.

Дома, спасибо техническому прогрессу, было прохладно. Когда уходил на работу, оставил включенным кондиционер на режиме проветривания.

Выложил еду, бутылку водки, достал тарелку и две рюмки. Одну, наполнив алкоголем, поставил на стол, сверху положил ломтик хлеба.

Себе плеснул столько же, нарезал сыр, вытащил из упаковки кусочки колбасы. Потом, немного подумав, метнулся в спальню, достал из комода коробку, где хранились медали деда и его фото. Старое, выцветшее. Он на нем при полном параде.

Вернулся в кухню с коробкой в руках. Не знаю, откуда возник этот порыв, но захотелось, чтоб рядом был кто – то. Пусть даже на снимке. Поэтому взял фотографию деда и поставил ее рядом с рюмкой, которая ему, собственно говоря, предназначалась.

– Ну... Иваныч, будем. – Опрокинул стакан и сразу же налил ещё.

Никогда бы не признал это вслух, но деда мне не хватало. Скучал по нему. Хотя, не сказать, что мы были сильно близки.

Во-первых, Иван Иванович Симонов человеком слыл жёстким. Характер имел такой, что мама не горюй. Служил в КГБ вплоть до развала Союза. Это событие он принял как личную трагедию. В тот день я нашел на кухонном столе газету с фотографией генсека, у которого были вырезаны ножницами глаза. Учитывая, что возраст мой исчислялся аж тремя годами, ни черта не понял, зачем дед испортил снимок какого – то лысого мужика, но запомнил ситуацию крепко. Потом ещё мать скандалила со свекром, требуя избавить дом от страданий по диктатуре пролетариата. Эти слова для меня в тот момент звучали, как полная абра-кодабра, но вот ссора опять же запомнилась.

Когда родителей не стало, а случилось это в день моего совершеннолетия, дед приехал, молча забрал вещи, меня и документы на родительскую квартиру. С тех пор мы жили вместе.

Руки машинально открыли коробку лежащую на столе. Сколько же у него медалей и орденов... Внезапно внимание привлекла звезда, которую, вроде бы, раньше я никогда не видел. Хотя, по всем параметрам, это невозможно. Наследие деда было тщательно перебрано и упаковано в эту самую ко-

робку сразу после его смерти. Память. Ее надо беречь. И вот уж точно ничего подобного я тогда не заметил.

Действительно. Звезда. Пятиконечная, но черного цвета и в черном же круге.

Я провел пальцем по ребру одного из лучей. Не понятно даже, из чего она. Не металл, не стекло.

– Лава. Застывшая.

Голос раздался так неожиданно, что я не сразу среагировал. Вскочил лишь через минуту. В глазах тут же потемнело, пол резко качнулся в сторону и пришло четкое понимание, падаю. Прямо рожей вниз.

Последнее, что успел увидеть боковым зрением – радостно улыбающийся мужик в клетчатой кепке.

Глава 2

– Иваныч! Подъем!

Звук чужого, незнакомого голоса ударил по вискам отбойным молотком. Я попытался перевернуться с одного бока на другой. Странно. Хоть убей, не помню, чтоб была причина для такого болезненного состояния. Выпил всего-то рюмку. Выпил... Рюмку... Подсознание услужливо нарисовало картину вчерашнего вечера. Кухня, накрытый в честь деда стол, чёрно-белое фото, странная звезда и «клетчатый» с его нагловатой улыбкой. Меня буквально подкинуло на месте. Я резко поднялся, принимая сидячее положение. Это было роковой ошибкой. Мозг возмущённо крикнул, ударился о стенки черепной коробки, перевернулся и встал обратно на место, но в качестве расплаты за необдуманные движения, окатил подступающей тошнотой. Вот ведь гадство!

– Не бережешь себя, Иваныч. Спокойнее надо, чуть по чуть.

Голос однозначно был мне незнаком. Это усилило и раздражение, и тошноту. Я осторожно, без лишних движений, покрутил головой, пытаюсь сообразить, что происходит. А происходила, положила руку на сердце, форменная ерунда.

Для начала, окружающая обстановка однозначно даже близко не стояла с родной квартирой. Ни тебе плазмы на стене, ни удобного матраса двуспальной кровати под задницей.

Это не считая того, что вырубился я вообще посреди кухни. Данный факт в памяти значился четко.

Пусть некто таинственный, склонный к героическим поступкам, дотащил мое бездыханное тело до спальни. Чего, в принципе, тоже быть не могло. Но черт с ним, предположим. Однако, в данный конкретный момент я находился в небольшой комнате с мрачными стенами и тусклым освещением. Маленькое окошко, защищённое решеткой, искренне надеюсь, она не для меня предназначена, со стороны улицы располагалось на уровне земли. Как понял? Первое, что увидел, военные сапоги, промаршировавшие мимо. То есть, помещение цокольное, полуподвальное.

Рядом с окном, прямо перед ним, если говорить точнее, имелся стол. Добротный, большой, накрытый темным сукном. А вот уже за столом сидел тот самый обладатель голоса, чьи комментарии волновали и без того расшатанные происходящим нервы.

Клетчатая кепка вызывала у меня истеричный смешок.

– Эх, что ж вы такие все нежные... – Мужик откинулся на спинку кресла, закинув ногу на ногу. Его ботинки, которые я теперь мог детально разглядеть, по цвету и фасону не уступали образу клоуна. Такие же яркие, как остальной прикид. Красные. Красные ботинки. Seriously. Что за псих?

– Тебя заботят странные вопросы, Иваныч. – «Клетчатый» усмехнулся. В зубах он держал спичку, которую с периодичностью в минуту переворачивал языком.

– Ошибаетесь. Имею совершенно другое отчество. – Я ответил на автомате, машинально, продолжая при этом изучать обстановку. Нужно разобраться в ситуации.

То, что нахожусь в незнакомом месте, уже понятно. Но даже с данной точки зрения оно вызывало недоумение и волнение организма.

Диван, на котором совсем недавно возлежало мое тело, выглядел настолько непривычно, что провел ладонью по атласной обивке, имея твердое желание убедиться, не чужд ли. Как правильно называется этот стиль? Ампи́р политической элиты Союза? Я точно видел нечто подобное на старых фотографиях деда, где он стоял в обнимку с такими же работниками самой серьезной организации страны, только одним названием провоцирующей у обычных граждан нервный тик обоих глаз.

Не знаю, откуда у выходцев из рабоче-крестьянской массы бралось это стремление к красивой жизни, но в каждом кабинете каждого мало-мальски серьезного чина стоял именно вот такой диванчик. С резной, украшенной вензелями спинкой и обивкой, которая уже потёрлась, потемнела от времени, но все ещё намекала на дворянское прошлое.

Вдоль противоположной стены наблюдались железные стеллажи, гордо претендующие на звание книжных полок, потому что выстроились на них увесистые бумажные папки и, собственно говоря, книги.

Однако, апофеоз безумия заключался даже не в этом незнакомом помещении, не в его удивительной для нормального современного человека обстановке.

Чуть в стороне от окошка, почти за спиной «Клетчатого», продолжающего изучать меня насмешливым взглядом разноцветных глаз, висели два портрета в тяжёлых золочёных рамах. Вот только смотрел с одного из них не привычный каждому гражданину президент Российской Федерации, а Феликс Эдмундович Дзержинский собственной персоной. Рядом, в таком же оформлении – Иосиф Виссарионович, «отец народа» и суровый грузин.

– Что за хрень? – Я, собственно говоря, задал вопрос сам себе, ибо начала формироваться мысль о внезапном безумии, резко накрывшем меня с опозданием.

Конечно, слышал раньше о посттравматическом синдроме, который проявляется у людей, некоторое время бывших в зоне военных действий. Побочный, так сказать эффект. Но для меня поздновато, вроде. Хотя...

– Че эт ты, Иваныч, так неуважительно о великих людях? Хрень... За подобные слова, мил человек, можно и к стенке встать. – «Клетчатый» глумился по полной программе. Спичка в его зубах переворачивалась с раздражающим «чмоканьем» и это ужасно мешало сосредоточиться. Тем более, головная боль только усиливалась с каждой минутой.

– Вы прекрасно поняли, о чем я. Что происходит? Каким образом мы оказались здесь?

– Мы? – Спичка на мгновение задержалась в одном положении, а потом снова перевернулась.

– Черт... Хорошо. Я. Каким образом я оказался здесь?

– Звезда Давида.

Все. Одна фраза, которая по мнению этого типа́ должна объяснить происходящий бред.

Мое лицо, похоже, красноречиво передавало ход мыслей. «Клетчатый» хмыкнул, намекая на тугодумие некоторых присутствующих, а потом одним движением руки кинул мне ту самую черную звезду. Просто метнул ее, как заправский ковбой значок шерифа. Удивительно, но я поймал летящий предмет без сложностей. Он будто сам послушно упал в мою ладонь. Вот только звезда изменилась. Вместо пяти лучей теперь было шесть.

– Ты воспользовался Звездой Давида. Чего ещё ожидал?

– Так... – Я уселся удобнее и принялся в ответ гипнотизировать «Клетчатого» взглядом. – Вернёмся к началу. Кто Вы такой?

– Эх... люди. Ничего не меняется... Разве это имеет значение? Гораздо важнее, кто ТЫ такой. Меня можешь звать Белиал¹. – Клоун произнес имя, склонил голову, привет-

¹ Белиал – Князь гнева и лжи. Один из князей и пяти эрцгерцогов ада. Считается самым сильным падшим ангелом. Выступает в роли обольстителя человека, совращающего к преступлению для того, чтобы человек понял на собственном опыте абсурдность таких дел в мире, где сила действия равна силе противодействия. Он демон тьмы и ярости, способный контролировать тени и пробуждать неконтролируемый гнев, ужас и безумие в человеческом сознании. Белиал редко

ствуя, и многозначительно замолчал.

Судя по его поведению, я должен был проникнуться данным сочетанием букв, которое мне, на самом деле, не говорило ни о чем.

Сидим, молчим. Он смотрит на меня, я – на него. Пауза начала затягиваться, поэтому пришлось ее нарушить, иначе так можно бесконечно пялиться друг на друга.

– Круто. Белиал. И? Ещё будут вводные?

– Да ладно! Все настолько плохо? Мда... Забыл нас народец основательно. – «Клетчатый» опустил ногу, подался вперёд, лег грудью на столешницу и подпёр подбородок кулаком. – Интересно... Но не понятно. Почему звезда выбрала тебя...

– Слушайте, все это очень весело, однако пора завязывать. Мне нужно на работу. Сегодня будет ещё более поганый день, чем вчера.

– А вот тут ты, Иваныч, прав. И сегодня, и завтра, и ближайшие несколько лет.

– Хорош называть меня чужим именем! – Я ударил по колену ладонью. С бóльшим удовольствием выместил бы злость на довольной роже клоуна, если честно. – Надоел этот цирк. Сейчас же требую объяснений. За каким дьяволом меня притащили сюда? Чем опоили? Причина? Ты просто имей ввиду, воровать сотрудника полиции – дело неблагодарное.

поддерживает свои культы, вместо этого предпочитая действовать через рабов и пешек, сохраняя силу для чрезвычайных ситуаций.

В курсе?

– Ох ты ж посмотри на него! Прямо сразу на «ты». – «Клетчатый» снова откинулся на спинку кресла, а затем довольно потёр руки и усмехнулся, при этом ухитряясь не выпускать спичку изо рта. Как только не подавится, скотина. – Дьявола вспомнил. Поверь, ему сейчас не до тебя. Но, в принципе, мыслишь верно. Давай, напрягись ещё немного. Сам же говоришь, что мент. Сопоставь факты, сделай логические выводы.

– Да пошел ты... – Я поднялся на ноги, чувствуя, голова категорично отказывается работать в штатном режиме.

Реальность немного «плыла». Нужно провериться. Может, сотряс? Мало ли. Вдруг этот урод совершил транспортировку моего очень даже любимого тела путем рукоприкладства.

– Далеко направился? – Он не пытался скрыть издевательство в голосе.

– Домой. – Я подошёл к двери и взялся за ручку, собираясь ее открыть.

– Аааа... Ну, давай. Удачи.

То, что клоун не пытался меня останавливать, настораживало. Однако, желание прекратить балаган было сильнее ощущения неправильности происходящего.

Шагнул в коридор и замер, бестолково таращась на людей, которые сновали мимо. На них была форма, но какая-то, мягко говоря, странная. Гимнастёрка защитного цвета, тем-

но-синие шаровары, высокие хромовые сапоги и цветные фуражки.

– Иваныч, погано выглядишь, – Крикнул один из пробежавших мимо парней. – Ночь была тяжёлая, но ты давай, приходи в себя.

Я сделал шаг назад в комнату, медленно закрыл дверь и обернулся к довольному до óдури «Клетчатому».

Как объяснить всё творившееся безумие, не понимал от слова «совсем». Грешным делом возникла мысль, а не долбануться ли с разбегу лбом о стену? Может, мозги в порядок придут.

Однако, идея была отменена по причине природного упрямства и категоричного желания разобраться с ситуацией.

Во-первых, место мне незнакомо, но судя по антуражу, сильно смахивает на родную до рёзи в печёнке ментовку. Или что-то из этой оперы. Казённый дух ничем не прикроешь.

Во-вторых, форму подобного образца видел. В кино. Причем, в старом советском кино. Но что важнее всего, эти люди явно меня знали. Правда, как и клоун, упорно называли Иванычем.

– А что такое? Уже не торопимся? – Белиал вообще не скрывал, насколько его все происходящее веселит. – Давай только без вашей отвратительной пошлости, когда вы бегаєте

кругами и орете в каждый угол, требуя показать, где скрытая камера, а иной раз, пригласить главного режиссера. Сразу отвечу, нет, это не развлекательное шоу, не прикол, не развод. Как видишь, общаюсь с тобой в привычной современной манере. Хотя, бесит жутко. Не язык, а набор междометий. Ок. Норм. Спс. Испоганили до безобразия.

– Я сплю... Точно. Сон. Всего лишь сон. – Особо в то, что говорил клоун, не вникал, если честно.

Мозг лихорадочно искал оправдание происходящему. Едва подумал, будто ещё не проснулся, сразу стало легче.

Действительно, чего паникую. Просто, скорее всего, благополучно валяюсь в своей квартире, пребывая в состоянии крепкого, здорового, ну, или не очень, сна. Может, упал, ударился головой. Черт... А что, если я умер... Своеобразный ментовской ад. Хотя, до сегодняшнего дня в потустороннюю жизнь не верил. Все мы в земле окажемся по итогу, а никак не на небесах.

– Эвоно куда тебя понесло. Небеса заслужить надо. Тебе напомнить некоторые моменты твоей бурной жизни? Так что версия на «двоечку». Накидывай ещё варианты. – Клоун опять расплылся своей мерзкой ухмылкой.

Только в этот момент до меня дошел крайне волнительный факт. Вообще-то сейчас я не говорил вслух. Откуда он знает мои мысли?

– Пффф... Велика сложность! У тебя на лице все написано. Знаешь, действительно пора закругляться. Утомляют современные людишки. Слишком вы психованные. Надо сократить момент неверия и сразу перейти к этапу принятия, как говорят ваши мозгоправы. Кстати, денег дерут безбожно за свои услуги. Вот уж кому точно место уготовлено в аду. Ходил к одному интереса ради. Он мне про детские комплексы два часа прививал. Мне! Кое-кто со смеху бы умер, если бы услышал. А потом счёт на десятку выставил. Представляешь? Да ты не стой столбом. Возьми, убедись. Так будет быстрее и проще. – «Клетчатый» кивнул на столешницу.

Я, не понимая, куда он тычет своей наглой рожей, проследил за направлением его жеста. Зеркало. Небольшое круглое зеркало, которого ровно минуту назад там точно не было. Да что ж ты будешь делать?! Теперь начались фокусы.

– Возьми, говорю. Глянь. Шустрее. Тебя скоро вызовут.

В два шага преодолел расстояние, ухватил внезапно образовавшийся предмет и уставился на отражение. Лучше бы не делал этого, честное слово. На меня смотрел... дед. Но молодой. Очень молодой. Лет восемнадцать – девятнадцать. Но дед. А мое лицо где? Мое! Родное! Твою мать...

Я выронил зеркало из моментально ослабевшей руки и попятился назад.

– Ой, ну хватит. Давай, соберись. Чай не кисейная барышня. Под пулями бегал не истерил. А тут ты погляди, совсем

расклеился. – Белиал махнул небрежно рукой.

– Ты кто такой? Что, ешкин кот, происходит? – Голос позорно сорвался.

Мне срочно нужно было присесть, а то и прилечь. Диванчик, тот самый, на котором проснулся, теперь оказался чрезвычайно кстати. Подошёл к нему и без сил плюхнулся на задницу. Честно сказать, шок случился столь сильным, что даже голову резко отпустило. Пол больше не раскачивался, а боль вообще растворилась в суматошно мечущихся мыслях.

– Наша песня хороша, начинай сначала... Повторяешься, родной. Белиал я. А ты – Симонов Иван Иванович. Тысяча девятьсот двадцать второго года рождения. Выходец из семьи крестьян. Коммунист, политически благонадежный парень и просто орёл. С детства мечтал служить Родине. Считаешь коммунистическую партию Советского союза лучшим явлением вселенной. Ну, и конечно, фанатеешь по тем двоим. – «Клетчатый» кивнул в сторону портретов.

– Нет. Этого не может быть. Я – Симонов Иван Сергеевич. И это, – Потрогал пальцами собственные щеки, потом нос, – Не мое лицо!

– Вот чего ты прицепился к физиономии? Не твое и черт с ним. Все равно ведь не постороннее. Симонов Иван Сергеевич, это ты там. – Белиал неопределенно махнул рукой куда-то в сторону окна. – В будущем. Здесь ты – Иван Ива-

нович. И вообще. Что за капризы, не пойму? Могли, между прочим, в бабу засунуть. Ты погляди-ка. Рожа ему не та. Деда что ли не уважаешь? А? Короче, я с тобой времени потратил слишком много. Теперь слушай инструкцию в сокращённом варианте, вместо подробной развернутой. Сейчас мы находимся в 1941 году. Месяц нынче апрель. Ровно через пять минут в этот кабинет войдёт твой коллега. Степан, вроде как... Или Алексей... Не суть. Тебя вызовут к Лаврентию. Получишь приказ перейти в 13-й отдел НКВД...

– Двенадцать...

– Чего двенадцать? – «Клетчатый» нахмурился, явно недовольный тем, что я его перебил. Зато бесячая ухмылка, наконец, исчезла с его лица.

– Отделов было двенадцать. Это даже мне известно.

– Слушай, раз ты такой умный, разбирайся со всем сам! – Белиал вскочил с кресла, всердцах оттолкнул его, а потом вообще задрал голову к потолку и продолжил разговаривать уже не со мной, а с лампочкой, сиротливо висевшей без абажура. – Я сделал, что мог. Не знаю, на какие чудеса вы там рассчитываете, но, по-моему, этот вариант обречён на провал. Умываю руки! Характер хлеще, чем у деда! Отвратительный! Упрям, будто дикий мул!

Все эти эпитеты, судя по плюющемуся слюной в потолок Белиалу, предназначались непосредственно мне. Кому он пытался донести свое возмущение, так и не понял, прав-

да. Хотя, на фоне всех событий, желание поговорить с толком выглядело вовсе не так уж странно.

Возможно, я узнал бы ещё много интересного о своей персоне, но входная дверь противно скрипнула, впуская в кабинет парня в форме.

– Иваныч, тебя вызывают. Ты... это... нормально? Ничего не натворил? Собирайся, жду тебя за дверью. Давай только без глупостей.

Голос у незнакомца звучал взволнованно. Он будто по-настоящему переживал за меня. Кто бы ещё знал, как я сам переживаю за себя. «Клетчатый» сказал все верно, выходит. Вызовут к Лаврентию... К Лаврентию?! Меня аж в холодный пот бросило. Если клоун не сумасшедший, и если моя кукуха на месте, а не уехала в сторону тихого помешательства, то в 1941 году я знаю лишь одного Лаврентия. Однако, поинтересоваться или уточнить было не у кого.

Парень, явившийся за мной, уже вышел в коридор. Да и вряд ли стоило рисковать подобными вопросами. Не знаю, как так приключилось, но мысль о возможном перемещении во времени больше не казалась безумной. Впрочем, дед, в теле которого находилось мое сознание, тоже, прямо скажем, далеко не худший вариант.

– Берия?! – Я повернулся к столу, возле которого должен был отираться «Клетчатый».

Но там никого не оказалось. Пусто.

– Чтоб тебя, сволочь, приподняло и вдарило... – С чув-

ством высказался в сторону одиноко стоявшего кресла, а потом поднялся, одернул штаны, отчего-то гражданские, и направился к выходу. Лаврентий, значит, Лаврентий. На месте разберемся.

Глава 3

По длинному коридору шел за провожатым, еле сдерживая желание запеть под нос мотив недавно услышанной по дороге на работу песни. Паника отпустила, зато, как назло, хотелось творить что-нибудь точно не соответствующее обстоятельствам. Бывает у меня такое. Когда ситуация патовая, накрывает состояние безудержного веселья. Включается режим «сгорел сарай, гори и хата». Особенность характера. А может, природная дурь. Не знаю. Но часто там, где, казалось, все, крышка, выручала именно она, эта самая дурь. Может, поэтому и вернулся живой. Были случаи, обкладывали со всех сторон. Получалось выбраться только «на дурака». Естественно, прилетало за это периодически от вышестоящих, но с другой стороны, точно знал, действуй я как положено, хрен бы справился.

Парень, сопровождавший меня к месту назначения, косился с опаской. Думаю, мало кто топал на встречу с Берией, улыбаясь каждому встречному.

– Иваныч, ты это... все нормально? Ведешь себя странно. – Он не выдержал.

– Ага. Не переживай. – Хлопнул его по плечу.

При этом, на ходу, лихорадочно вспоминал все, что знаю про деда. Со стыдом вдруг осознал, известно мне позорно мало.

Интересно, если допустить мысль, будто происходящее реально. Звучит, конечно, как первостатейный бред, но пусть так. Будем считать, я не сплю и каким-то таинственным образом действительно оказался там, где утверждал Белиал. Черт... Вот крутится имя это, зудит, будто комар, которого не видишь, а прихлопнуть очень хочется. Но, хоть убей, не соображу никак, почему оно сейчас стало казаться мне знакомым. Ладно был бы какой-нибудь Сергей или, на худой случай, Адольф, не дай бог. Причем, сам «Клетчатый», представившись, пребывал в уверенности, я сразу все пойму. Такая у него физиономия стала озадаченная, когда дошло, что план – фигня, знать не знаю подобных имен. Ну, да бог с ним. Сейчас больше волновал дед. Как ни крути, но тело то его. И люди в форме с ним знакомы.

Возникает вопрос: события, в гуще которых я случайно оказался, являются настоящей биографией Иваныча?

Нет, то, что он работал в КГБ – факт в семье известный. А вот об НКВД я от него никогда не слышал. Хотя, сказать по совести, особо не интересовался.

Отец всегда был против того, чтоб в моих жизненных планах присутствовали органы внутренних дел вообще и дед, как пример для подражания, в частности. Прямо «манечка» у него существовала на эту тему. Наверное, поэтому меня во время летних каникул отправляли к маминым родителям. Деда я видел редко, в бóльшей мере на праздник Победы. Да и то мельком. Мы с отцом приходили утром, вручали на-

рядному, обвешанному медалями и орденами Иванычу цветы, а буквально через полчаса он уже сам выпроваживал нас из дома. Крепкие родственные связи, духовная близость, откровенные разговоры – это не про нашу семью.

Так было ровно до того дня, когда равнодушный женский голос сообщил мне по телефону об аварии. Незнакомая тетя, похоже, решила, раз пацану есть восемнадцать, можно говорить коротко и по делу, не миндальничать.

Помню, я сидел с мобильным в руке, тупо глядя в пустоту. Мозг отказывался принимать информацию за правду. Отец умер, не приходя в себя, мать успела по дороге в больницу, назвать номер сына. Верила в меня и мою психику, наверное, крепко. А может, не понимала, что все, конец.

Звонок в дверь раздался сразу же после разговора, изменившего мою жизнь. Я подошёл, щёлкнул замком и остался стоять на пороге, не в силах понять, как так вышло. О смерти родителей сказали пять минут назад, а дед уже тут.

Он молча отодвинул меня с дороги, пробежал по комнатам, собирая необходимое, а потом также молча подтолкнул в спину.

– Идём. Чего застыл? Случившегося не исправишь. – Соизволил высказаться в ответ на мой вопросительный взгляд.

Это произошло через несколько дней после выпускного. Количество баллов и планы, которые прежде обсуждались с родителями, должны были привести меня на математический факультет университета. Но пацана, что говорится, пе-

реклинило. Стресс, наверное. Или эгоизм, как вариант.

Отправился в военкомат, где сообщил об огромном желании идти в армию. Дед стремления служить Родине не оценил. Видимо, считал себя обязанным выполнить волю родителей и дать внуку высшее образование. А я считал, что не хрена было кое-кому умирать. Бросили меня, ну, вот и нечего теперь являться во снах. Отца, правда, не видел. Мать приходила пару раз. Ровно в тот момент, когда был на пересыльном. Стояла, смотрела и осуждающе качала головой.

– Эй, ты куда?

Задумавшись, я проскочил кабинет, возле которого остановился этот Степан. Или Алексей, если верить «Клетчатому». Кстати... можно проверить.

– Стёпа?

– Ты чего? Имя мое забыл? Леха я. Похоже, ночные события тебе малясь мозги повредили. – Парень почти обиделся.

– Да ладно тебе. Шучу. – Я в очередной раз похлопал его по плечу.

Снова речь о минувшей ночи. То же самое сказал пробежавший мимо кабинета товарищ, когда с моей стороны была предпринята безуспешная попытка, избавившись от общества Белиала, попасть домой. Интересно, где Иваныча носило и что он делал этой ночью?

– Ага. Смотри, дошутишься. Иди уже.

Он два раза стукнул костяшками пальцев по двери, а потом толкнул ее от себя. Я бодро шагнул через порог, открыв

рот для рапорта.

Но так с открытым ртом и остался. Рапортовать то что? Ни звания своего не знаю, ни должности, ни правильного обращения к присутствующим. Это тебе не на беседу к Матвееву явиться. Тому обычного «можно войти?» достаточно.

– Ну! Чего ты, Симонов, глаза вытаращил? Да рот прикрой. Выглядишь, как дурачок, честное слово.

Передо мной стоял мужик лет сорока. Прямые плечи, гимнастёрка, заправленная настолько тщательно и аккуратно, что даже складки смотрелись, как произведение искусства, спокойный, уверенный взгляд. Да уж... Невольно вспомнились слова Матвеева. Действительно, раньше менты были не чета современным. На фоне бравого товарища самому захотелось выпрямить спину, а потом лихо прищелкнуть каблуками.

Вот и подумает, так ли уж был неправ дед, рассуждающий о важности образования. Хотя, вряд ли, конечно, матфак мне бы сейчас помог.

«Вышку» я в итоге получил, но лишь по причине огромного желания попасть сначала в ОМОН, потом в СоБР. Естественно, учился из-за необходимости, особо сильно мозг не перегружал. А вот теперь знание той же Истории пригодилось бы, ой как. Потому что об этом времени я имел представление лишь в рамках среднестатистических данных, известных каждому порядочному гражданину, если он, конечно, порядочный. Ну, ещё то, что показывали в чрезвычайно

популярных последние годы сериалах о советском военном прошлом. То есть по факту – ничего.

Однако, изрядно напрягал один важный момент. Пусть моя осведомленность была минимальной, зато, благодаря все тем же сериалам, предельно ясно понимал, если это реально 1941 год, то попасть под жёсткую руку наказания, которая и курок спустит без сомнений, можно очень быстро, а главное – для себя неожиданно. Вывод один. Пока более-мее не разберусь со всем происходящим, лучше помалкивать. Понятно, бесконечно глухо-немого из себя изображать не получится, но вот сейчас, стоя в приемной кабинета Лаврентия Берии, не мешало бы найти уважительную причину, по которой смогу больше слушать, чем говорить.

– Какой-то ты странный, Симонов. Тихий. Обычно балагуришь. А я предлагал, давай другого отправим. Бóльно молод. Теперь стоишь, как мешком пришибленный. Штаны ночью хоть не обгадил? – Мужик хохотнул, подтолкнув меня плечом, но сразу же стал серьезным. Посмотрел как-то пристально, с сочувствием. Поднял руку и стряхнул невидимые пылинки с моей одежды.

Опять? Третий человек уже говорит о ночных событиях, имевших для деда, а, значит, и для меня, серьезный вес. Не знаю, где был Иваныч, но, чем бы он не занимался, сейчас оно на руку. Можно валить все странности на это.

– Почти обмочился. – Постарался ответить в тон начальству. Мол, я, конечно, готов служить Родине, живота не жа-

лея, но расти есть куда. Пока ещё салага и этого не стесняюсь.

То, что стоящий рядом мужик не из простых рядовых, было понятно даже идиоту, хотя один ромб на петлице мало о чем говорил. Погоны на гимнастёрке отсутствовали. Могу предположить лишь, передо мной майор. Чисто по логике вещей. Дурацкая система знаков различия.

– Товарищ майор государственной безопасности, – Молодой мужчина, темноволосый, похожий на выходца с Кавказа, поднялся из-за стола, где сидел на момент моего появления, и подошёл к нам. Судя по всему, занимал должность адъютанта. – Я докладываю?

– Рафаэль Семенович, буду признателен. – Ответил мой сопровождающий. – Там как? Тихо?

Майор кивнул на закрытую дверь непосредственно самого кабинета. В данный момент мы находились в помещении, которое условно можно было назвать приемной. Ряд стульев вдоль одной стены, тяжёлые шкафы вдоль другой, рабочее место кавказца возле окна. Строго, лаконично. Ничего лишнего.

Со званием, выходит, попал в точку. Теперь хоть бы имя узнать. Могу, конечно, в силу субординации, использовать обращение по званию, но, если оценивать отеческий взгляд, которым он меня осматривал, стряхивая невидимые пылинки, долго так тоже не протянешь. Мы явно имеем не только рабоче-уставное общение. Чувствуется некая забота.

Кавказец на секунду задержался глазами на моей персоне.

– Зря Вы его, Никита Пахомович, в порядок не привели. Не на танцы явились.

– Лаврентий Павлович сказал, как только в себя придет, сразу к нему. Сам понимаешь, – Майор вдруг перешёл на «ты», слегка наклонившись к кавказцу и понизив голос, – Приказ есть, надо выполнять. Тем более, это касается лично-го желания товарища генерального комиссара государственной безопасности.

Я слушал двоих мужчин и отчётливо понимал, у меня сейчас от всех этих «товарищей» закипит мозг. А мы, современные менты, ещё кочевряжимся перед своим начальством. Тут вон звание пока выговоришь, хоть бы не запутаться.

Непроизвольно в голове возникла трусливая мыслишка: Господи, пусть это все же будет сон. Потому что, если мы в реальности, то спалюсь я ко всем чертям. Ладно я. Деда угроблю. Чего доброго, отправят вот так к стенке, как Белиал сказал, и все. Не будет потом, ни отца, ни меня. А что? Вполне возможно. Ничему не удивлюсь.

Понятия не имею, что это за Звезда Давида, упомянутая «Клетчатым», но будь она трижды проклята. Вопрос у меня к ней тот же. Почему я? В России – миллионы человек. На земле – вообще миллиарды. По какому принципу эта дрянь выбрала меня?

– Лаврентий Павлович, – Кавказец, тем временем, успел заглянуть в соседнее помещение, приоткрыв дверь, – Тихо-

нов тут... Есть!

Он обернулся к нам и кивнул, приглашая пройти. Майор, фамилия которого выяснилась опытным путем, как совсем недавно имя с отчеством, одернул без того идеально сидевшую гимнастёрку, а затем, чеканя шаг, направился в кабинет.

Я с тоской посмотрел на кавказца, потом на дверь, ведущую в коридор, потом снова на кавказца. Отчего-то внутри присутствовала уверенность, переступлю порог кабинета Берии, пути обратно не будет. Его, по идее, и сейчас нет. Не прыгать же мне в окно? Даже прыгну, что толку? Если только убиться насмерть. Однако, судя по пейзажу за стеклом, этаж не выше третьего. Ноги переломаяю, людей насмешу, а потом точно расстреляют, как врага народа или шпиона. Даже под психа вряд ли закосить получится. Времена не те.

То есть, теоретически, выхода точно нет. Откуда тогда четкая уверенность, что войдя в кабинет Берии, я сделаю определенный выбор?

– Не бойся. Тебе выпала большая честь, понимаю твои сомнения. Думаешь, достоин ли? Но раз эту ночь пережил, значит все правильно. – Пока раздумывал, Кавказец подошёл ближе и положил руку на плечо. Видимо, это был жест поддержки.

Вот чудак. Он считает, меня терзают сомнения о собственной значимости, а я, на самом деле, строю план, как избежать неизбежного. Если бы не дед...

Эх... Была не была. С важным видом кивнул в ответ на слова адъютанта и двинулся следом за майором Тихоновым.

Едва вошёл в кабинет, сразу заметил его владельца.

Ну... не знаю. Мужик, как мужик. Рост не определить, он сидел за столом. Лицо какое-то простоватое. Лысина на половину головы. Круглые очки. Кустистые брови. Смутно помнил, что по крови он, вроде, грузин. А так... Привычный образ. Именно таким его всегда изображают.

Однако, потом Берия поднял взгляд, отвлекаясь от бумаг, разложенных перед ним, и внутри у меня завожилась всяма ощутимая тревога, липкая, как полная ладонь. Глаза были холодными, цепкими, въедливыми. Не-е-е-ет... Душевной простотой я зря его наделил.

– Товарищ генеральный... – Завел было свою шарманку майор, но второй по значимости человек Союза махнул рукой, останавливая словесный поток Тихонова.

– Это тот самый Иваныч? – Акцент был очень лёгким. Практически незаметным.

– Он и есть, Лаврентий Павлович. – Майор волновался. Я видел это по его слишком прямой спине. Лопатки почти касались друг друга.

– Молод... Да... – Берия рассматривал меня, как товар на рынке. Возникало ощущение, сейчас велят показать зубы.

– Я предупреждал... – По лбу майора скатилась капля пота, хотя в кабинете было совсем не жарко.

– Помню. Дело в другом. Ночью все прошло хорошо. Он

несомненно подходит.

Я подумал в этот момент, если ещё кто-то скажет про ночь, взорвусь, честное слово. Первым делом, как только выйду из кабинета, если выйду, конечно, костями лягу, но узнаю, о чем вообще речь.

– В бога веришь?

Поначалу решил, показалось. Если клоуны то появляются, то исчезают, могло и сейчас послышаться, что угодно. Но вопрос сопровождала пауза, а за ней – выжидающий взгляд Берии. Да ладно?! Он реально? Или это проверка? Не может человек, стоящий во главе НКВД, интересоваться подобными вещами просто так. Но главное, что отвечать?

– Ну! – Тихонов, замерший чуть впереди, оглянулся, испепеляя взглядом. Он волновался с каждой минутой сильнее. Причем, похоже, не за себя. За меня.

– Верю в себя, свои силы. – Ляпнул, а сам стою и думаю, меня когда заберут? Сразу или на выходе? Потом добавил. – В партию верю.

Берия усмехнулся, хмыкнув что-то невнятное себе под нос. Природа этого «хмыка» осталась непонятной. То ли мне подписали смертный приговор, то ли большего дурака ему не встречалось. Второй вариант обиднее, зато безопаснее.

– Хорошо. А в дьявола? В дьявола веришь?

Вот прицепился, гад! К чему ведёт только, не пойму никак.

– В дьявола надо верить. – Задумчиво протянул Берия,

решив, к счастью, не ждать моего ответа. — Богу до нас дела нет. А вот дьявол... он всегда рядом.

Я молчал, во все глаза уставившись на Лаврентия. Не потому что проникся словами. Слыхали и похлеще. Особенно за последние сутки. Банально не знал, как себя вести. Ожидал чего угодно, но точно не таких вот странных бесед. В то же время, не похоже, что издевается или провоцирует. Майор, и это тоже удивительно, соглашаясь с начальством, пару раз кивнул.

— Тихонов, забирай его в 13-й отдел. Добро даю. Вводи в курс дела, а лучше сразу к Наталье отправь. Там все наглядно покажут. Свободны.

— Есть!

Никита Пахомович отдал честь, развернулся на месте, только что искры не посыпались из-под подошвы сапог, а затем кивнул мне на выход, намекая, что пора и честь знать.

Вот тут я был полностью согласен. Даже рад. Потому как вопросов стало ещё больше, чем на момент пробуждения. И пока не получу ответов, хрен я отстану от майора. Еще не знаю, как, чтоб не навредить себе и деду, но что-то придумаю обязательно. Иначе закончится все может на самом деле печально.

Глава 4

– Ну, ты, дал жару, конечно. – Тихонов двигался чуть впереди, периодически отвлекаясь ответным жестом на встречаемых людей в форме, которые отдавали ему честь.

Я топал следом, стараясь не отставать. Коридор, конечно, широкий, но мы не на параде, чтоб идти плечо к плечу. Пусть мало на этом этаже людей, однако, лучше максимально потеряться за спиной майора.

Короткую фразу он бросил, как только отошли от кабинета, но сразу же замолчал. Из соображений безопасности, я ничего не стал говорить и просто неопределенно пожал плечами. К счастью, майор, похоже, решил не вести беседы на ходу. Да и свидетели ему, видимо, были не нужны. Пусть немногочисленные.

Мы спустились по широкой лестнице до первого этажа, пересекли холл. Однако, вместо того, чтоб направиться в следующий кабинет, дабы попасть к неведомой Наталье, встреча с которой прояснит ситуацию, как обмолвился Лаврентий Павлович, майор свернул в аналогичный предыдущему коридор, открыл неприметную дверь, более похожую на аварийный выход, а потом по слегка кривоватым ступенькам, начал спускаться в подвал. Я на мгновение задержался на пороге, но потом все же переступил его.

Это было волнительно. Снова мелькнула мысль, не явля-

ется ли данный путь для меня последним.

Вообще, старался помалкивать. Тихонов тоже кроме одной единственной фразы, больше не сказал ничего. Он был сосредоточен на своих мыслях. Да и мне, честно говоря, имелось о чем подумать. Так что отсутствие диалога устраивало нас обоих.

Итак, будем рассматривать события, как реальные. Что мы имеем? Я – в теле родного деда. Хорошо. Вернее, хорошего как раз ничего, но, Белиал сказал правильно, могло быть и хуже.

На секунду представил, как просыпаюсь, например, в теле пышногрудой, длинноногой блондинки. Понятия не имею, почему из всех вариантов воображение нарисовало именно такой, но, если честно, аж поддёрнуло. Хотя, блондиночка явилась очень даже ничего. Видимо, благодаря скудной личной жизни. Последние два месяца из-за напряжения на работе, пришлось сократить общение со всеми знакомыми дамами. Проснуться рядом с красивой женщиной, я совсем не против. Очнуться в ее теле, и вовсе не в приятном смысле этого слова, увольте.

Далек от новых трендов и веяний моды максимально. По мне мужик – это мужик. Нет, ну, понятно, хорошая стрижка и ежедневный душ не помешают никому. Превращаться в грязного, волосатого бомжа не сто́ит.

Я сейчас об этих непонятных моему разуму особях, которые красят ногти, объясняя это свободой мышления, выщи-

пывают брови и делают пластику. Мужики. Представить не могу причину, по которой я в здравом уме и трезвой памяти отправлюсь менять родную, богом данную физиономию. Да и не в нетрезвой памяти такое тоже не возможно. Поэтому женское тело, как временное место жительства, стало бы гораздо бóльшим стрессом, чем лицо деда в зеркале, которое подсунул Белиал.

Иваныч... В этот момент меня осенило. А где дед? Ну, в смысле, где его сознание? Тело – вот оно. Топают себе, вполне здоровое, следом за майором государственной безопасности. Но содержимое куда то же делось? Эх... Надо было выслушать Белиала до конца. Погорячился я.

У кого теперь добыть информацию, не понятно. Посмотрел на майора, а точнее, на его прямую спину.

Тихонов, судя по поведению в кабинете Бериин, относится ко мне, то есть к деду, очень душевно. Знать бы ещё, насколько. Что ж я, дурак, так мало прежде говорил с Иванычем. Ничего не могу вспомнить толком о нем.

Одно несомненно точно. Сказать правду никому нет возможности. Начну доказывать, что дед не дед вовсе, а вообще другой человек, нарвусь на очень большие неприятности.

Пока размышлял, мы оказались в подвале перед ещё одной обшарпаной дверью, на который висела табличка «Хранилище».

Интересно, хранилище чего? Или кого?

Мысли о казематах, расстрелах и черных «воронках»

упорно лезли в голову с настойчивостью землеройки.

– Заходи. Скоро вернусь. – Тихонов открыл дверь здоровым ключом, который вынул из кармана, а потом посторожился, пропуская меня внутрь.

Желания шагать в неизвестность не было от слова «со- всем». Я поймал взгляд майора. Все такой же спокойный. С другой стороны, если это смерть моя пришла, ему – то чего волноваться.

– Слушай, Симонов, я все понимаю, не каждый взрослый, опытный чекист спокойно перенес бы такое. Но ты давай, приходи в себя. Я тебе сразу говорил, ещё когда предложил идти служить под мое начало, прбсто не будет. Там – наш сотрудник. Пообщайся пока.

Майор кивнул на Хранилище, а потом направился в сторону, откуда мы пришли. Варианта было два. Можно продолжить стоять у открытой двери и мысленно стénать о несправедливости Вселенной. Либо можно войти в хранилище и узнать, что будет дальше. А-а-а-а... Есть ещё третий. Пойти следом за Тихоновым и сбежать.

Оружия у меня нет никакого. Документов тоже. Это при том, что я даже не знаю, как они должны выглядеть. Идти нéкуда, по причине полного невладения ситуацией. Соответственно, что? Третий вариант больше похож на отличный способ самоубийства.

Теоретически я предполагаю, что оказался во всей этой истории точно не просто так. «Клетчатый», обладающий

удивительной способностью появляться и исчезать буквально на глазах в самых неожиданных местах, рождает в моей душе подозрение, а человек ли он. Никогда не верил во всякую чушь типа экстрасенсов, магов, колдунов и потусторонних сил. Но я никогда и не думал, что можно вот так запросто взять кого-то, а затем переселить его в прошлое, да ещё и в чужое тело. Поэтому прежнее мировоззрение, выходит, трещит по швам, как сова, которую натягивают на глобус.

Соответственно, из трёх вариантов, на самом деле, у меня остался один.

Я втянул воздуха поглубже, сам не знаю, зачем, стресс, похоже, затем решительно перешагнул порог.

Собственно говоря, хранилище хранилищем и было. Длинными рядами шли стеллажи, на которых ровненько стояли книги. Их тут оказалось такое количество, что любая областная библиотека удавилась бы от зависти.

Из освещения — только лампы под высоким потолком. Окон на наблюдалось. Логично, если учитывать, что это — подвал.

— Здравствуй. Ты Иван?

Женский приятный голос прозвучал откуда-то слева. Я обернулся и просто обалдел. Девушка, стоявшая у одного из стеллажей, выглядела, как... как ангел. Нелепое сравнение, но ничего другого в голову не приходило. Она была удивительно хороша. Светлые, пшеничные волосы толстой, туго заплетенной косой, лежали перекинутыми через плечо. Гла-

за, то ли серого, то ли голубого цвета, не мог понять из-за тусклого освещения, были настолько выразительными, что возникало желание смотреть в них, как в чистую гладь озера. Темные ресницы, красиво очерченные брови и пухлые губы. Верхняя, причем, была чуть больше нижней, отчего казалось, что девчонка ее капризно надула. Милые ямочки на щеках делали улыбку незнакомки безумно привлекательной. Хотелось улыбнуться в ответ.

– Ты же Иван? – Переспросила девушка.

– Я? А! Да. Я – Иван.

Привык воспринимать деда Иванычем и затупил на имени. Если учесть, что меня зовут так же, то не просто затупил, впал в кратковременный маразм.

– Иван Иванович Симонов? – Блондинка снова улыбнулась, а потом откинула косу за спину. Движение было естественное, без манерности современных девиц, с их накачанным губами, перманентными бровями и приклеенными ресницами. Незнакомка вообще вызывала у меня ощущение свежего морского бриза или солнечного морозного утра. Это не считая того, что я женщин в их естественном, первозданном виде не встречал очень давно. Наверное, со времен школы, когда одноклассницы ещё не пользовались возможностями сильно развитой индустрии красоты, но уже мечтали о новых лицах.

– Да. А ты? Наталья?

– Ох, нет, конечно, – Девчонка тихо рассмеялась.

А я не мог оторвать глаз. Ну, до чего же она нереальная! – Наталья – это моя бабушка. Я – Лиза. Проходи, не стесняйся. – Она поманила меня рукой, а потом, развернувшись, направилась вглубь помещения. Видимо, там гораздо интереснее.

Естественно я рванул следом. Когда тебя зовёт такая фея, нужно быть полным дебилом, чтоб не поддаться ее чарам.

– Лизонька, а что это за хранилище? – Другой темы пока в голову не пришло.

Еще сложнее собрать мысли в кучу, когда перед тобой, покачивая бедрами, идёт девочка с фигуркой дьяволицы и лицом ангела. Не знаю, на каких харчах их тут держат, но у блондиночки в нужных местах наблюдались нужные формы. Грудь размера четвертого, не меньше, задница такая, что Ким Кардашьян скромно ушла бы в монастырь. И я сейчас не про размеры. Даже при том, что на девчонке была широкая юбка, а не брюки, я прекрасно видел, как при каждом шаге ткань ложится на весьма аппетитную, интересную часть ее тела.

– Тебе ещё не объяснили? – В голосе блондиночки проскочила интонация лукавства. – Сам понимаешь, 13-й отдел не могли расположить прямо на глазах у всех. Хранилище, это вроде ширмы.

Только она договорила, стеллажи внезапно закончились и мы оказались во второй части помещения. Там находились несколько столов с задвинутыми креслами, три огромных, в

человеческий рост сейфа, вешалка, напоминающая столб с изогнутыми в разные стороны дугами, пара диванов, стоящих задом к стеллажам с книгами, и кучка стульев.

– Вот. Тут мы обитаем. – Лизонька сделала широкий жест рукой, указывая на скромную обстановку рабочего места. – Я знаю, тебя ещё не вводили в курс дела. Но ты все равно молодец. Сегодняшнее задержание... Признайся честно, сильно страшно было?

Девчонка подалась вперёд, жадно вглядываясь в мое лицо своими небесными глазами. Ей, судя по учатившемуся дыханию, а с такой грудью сложно не заметить, когда дыхание учащается, было ужасно интересно узнать от меня подробности. Конечно, я обязательно блеснул бы героизмом, если бы не одна кро-о-о-охотная деталь. Я понятия не имел, что делал этой ночью и о чем она говорит.

– Ну... понимаешь... Не могу сказать.

– Ох, конечно, прости! – Она испуганно прижала пальцы к губам.

Это просто издевательство какое-то. Все ее жесты абсолютно естественны и порывисты, но на меня они оказывают эффект, похлеще эротического фильма.

– Понимаю. Нельзя говорить о том, что там было. Молодец! Правильно. Извини, я не подумала. Просто... очень интересно. Понимаешь? Меня не допускают к «полевой» работе.

Девчонка была настолько хороша, что я не в силах ото-

рвать взгляд, просто стоял и смотрел, как шевелятся ее губы. Руку то она уже опустила и теперь теребила юбку, длина которой была ниже колен, но это совсем не мешало рассмотреть, ко всем прочим достоинствам, стройные ножки светловолосой феи.

– Сижу тут, в хранилище, изображаю архивного работника, когда приходят посторонние. Веду документацию. Очень хочется стать частью актива. Понимаешь?

Девчонка как-то незаметно переместилась ближе. Главное, даже не понял, как и когда. Меня, словно в омут, затягивали ее глаза и я не мог оторваться. А ещё голос... Он журчал, будто талая вода по весне...

Внезапно, в голове, очень издалека, очень расплывчато, начала формироваться мысль, что-то не так. Не знаю, что конкретно, но тревога, а ее сейчас точно быть не должно, тем более в обществе интересной моему мужскому эго женщины, вдруг стала расползаться по нутру. Учитывая «голодание» последних месяцев, к которому, что греха таить, организм не приучен, реакция более, чем неожиданная.

– И главное, понимаешь, Ванечка, я ведь готова. Вот тебе, к примеру, девятнадцать лет. В Народный комиссариат тебя привел товарищ Тихонов. Звания сто́щего не имеешь. Сержант государственной безопасности. Разве ж это звание? Так, пшик. Самая низшая ступень. А тебя вон, к нам в отдел, да ещё на «полевую» работу служить взяли. Чем же я хуже, Ванечка...

Красивое, ангельское лицо было все ближе. Лизонька словно образ из сказочных фантазий заполняла окружающее пространство.

Однако, сквозь пелену окутывающего сознание восторга, упорно пробивалась мысль: «Дебил, тебя разводят!».

В этот момент с громким мявком от одного из стеллажей выскочил жирный черный кот. В два прыжка он метнулся к казённой мебели, а потом вообще оказался на столе. Сел и принялся вылизываться.

– Кот.

– Какой кот, Ванечка? – Голос Лизоньки по-прежнему звучал ужасно приятно, но елеем по сознанию уже не растекался. Голова как-то посвежела.

– Вот! Кот! – Я выглянул из-за плеча блондинки и ткнул пальцем в наглую скотину, которую, прям точно уверен, уже встречал.

Понятно, черные коты в бóльшей мере похожи друг на друга, но у этого конкретного имелся определенный взгляд. Он снова пялился на меня с матерным выражением бесстыжих глаз.

– Интересно... – Лиза сделала шаг назад и наклонила голову к плечу, изучая мою физиономию. – Ты увидел кота.

– Сложно не увидеть такого жиробаса. – Появление нового участника нашего междусобойчика вызвало во мне столь сильное раздражение, что я напрочь забыл, где нахожусь.

Котяра снова мявкнул, поднялся, прошел по краю стола,

а затем прыгнул и демонстративно направился в сторону стеллажей, покачивая пушистым хвостом.

– Ванечка, посмотри на меня. – Девчонка приблизилась, взяла мое лицо ладонями, пробуя поймать глазами взгляд.

Однако, меня интересовал этот чертов кот, который успел скрыться среди полок с книгами.

– Смотри. Сюда. – Голос блондинки стал жёстче. Слова звучали, как приказ. Но главное, зрачки сначала стали меньше, а потом сразу же заполнили всю радужку.

– Ты кто такая? – Я тряхнул головой, в попытке скинуть ее руки.

– Ведьма она. – Скрипучий хриплый голос раздался за моей спиной. Тихий звук каблучков о пол, и через секунду боковое зрение уловило, как в зону видимости выходит та самая старушка с жабой и в шляпке.

– Вы! Я Вас знаю. Видел на улице...

– Видел и видел. Чего орать то? – Бабуля осекла меня слишком резко, не давая договорить.

А вот это интересно. Похоже, о нашей предыдущей встрече Лизоньке знать не положено.

– Наталья Никаноровна я. – Божий одуванчик оттерла плечом блондиночку и по-мужски протянула мне руку для приветствия.

– Насчёт ведьмы... это же было образно? В переносном смысле? – Я на автомате взял сухую, маленькую ладошку, но в ответ чуть не матернулся от того, как бабуля сжала мою.

Аж кость хрустнула.

— Если тебе так проще, можешь думать, что образно. Лизка, сходи чаю сделай нашему новому коллеге. — Проскрипела старушка, направляясь к одному из диванов.

Я перевел взгляд на блондинку. Она явно злилась. Только что не пыхтела паром из ушей. Сложила руки на груди, а потом вообще демонстративно отвернулась в сторону.

— Хватит строить из себя Немезиду. Принеси чаю, говорю. Парень в наш отдел не за красивые глаза пришел. Сама что ли не знаешь? Его Тихонов несколько лет проверял, ещё с детского дома. Не действует на Ивана твоя краса.

— Сначала подействовала! — Девчонка фыркнула и топнула ногой.

— Он сначала просто на твои прелести засмотрелся. Все равно вырвался бы. Иди за чаем! Порадуй бабушку.

Блондинка кинула гневный взгляд в сторону мостящейся на диване бабули, а потом сорвалась с места, обдав меня запахом полевых трав и меда.

— Ну, вот и чудно... — Как только Лиза исчезла из поля зрения, а через мгновение вдали громко хлопнула дверь, я тут же подошёл к нескольким стульям, сгрудившимся неподалеку. Взял один, поставил перед бабулей, изображавшей на диванчике королеву в изгнании, и, развернув спинкой, уселся на него, как ковбой на лошадь.

— Вот теперь поговорим.

— Поговорим Иван Сергеевич. Непременно поговорим, —

усмехнулась Наталья Никаноровна и расхохоталась низким хриплым басом.

Глава 5

– Кто Вы? – Я внимательно следил за каждым жестом старушки – одуванчика. Ложь при желании можно поймать даже в случайном движении головы или изменившемся взгляде. Ситуация слишком серьезная, чтоб оставить ее с недоговоренностями, прикрывающими двойное дно. Первый шок отступил и мозг более-менее включился в рабочий процесс.

– Сдается мне, этот вопрос звучит от тебя... какой раз? Пятый? Сотый? – Бабуля щёлкнула замочком ридикюля, достала оттуда пачку «Беломорканала», коробок спичек, и буквально через минуту уже выпускала в потолок сизые дымные кольца, щурясь от удовольствия. – Эх... Пришлось аж в 1970 за ними идти... Но оно того сто́ит.

– Хватит! – Возникало устойчивое ощущение, все эти странные персонажи решили свести меня с ума. – Мало того, 41-й, от этого пока не отошёл, а Вы мне ещё очередную ерунду прививаете! Какой 1970-й? Издеваетесь?

– Да ты, Ванька, успокойся. С тебя хватит того, что есть сейчас. А вот я могу. Хотя в 70-й, хоть во времена Рюриковичей. Будущее закрыто в силу его отсутствия. А прошлое – сколько угодно. Видишь ли, мы, демоны, тоже связаны некоторыми условностями.

Смех накрыл меня сразу же после слов «одуванчика». Реально. Я просто, не стесняясь, расхохотался в голос. остано-

виться не мог. Аж до коликов в животе, честное слово.

– Демоны... Отлично! И Вы считаете, что в это можно поверить? Ладно перемещение во времени. Ок. Готов согласиться. Может, учёные придумали какую-то фиговину, способную это проверить. Допускаю даже то, что есть возможность вынуть человека из одного тела и сунуть в другое. Но! Давайте сразу договоримся, избавьте от чуши о потусторонних силах. К этому я не готов. Демоны... А чего не Сатана сразу?

– Во-первых, человека никто никуда не совал. Душу, да. Вот твоя душа сейчас здесь. А тело – там. – Наталья Никаноровна неопределенно махнула рукой. – Во-вторых, как же вы одолели своей необразованностью. Сатана... Не хватало ещё ему лично работой заниматься. Ты, Ванька, опять совершаешь ту же ошибку. Пытаешься спорить и доказывать, а надо слушать. Все вот у вас, у людишек, через одно место.

– То есть Вы, Наталья Никаноровна, хотите сказать, что являетесь демоном? Настоящим демоном? Типа, из ада? А где же рога и хвост? Ну, там, не знаю... огонь из пасти. – Я откровенно насмехался. Конечно, бабуля «заливает», это же ясно, как белый день. Судя по всему, они тут все из себя шутники. Или просто делают из меня идиота.

– Почему «хочу сказать»? Я конкретно об этом говорю. Рога... Вот оно тебе надо? Мне нет. С рогами можно и дома походить. Гораздо интереснее быть в теле человека. Это... как бы объяснить... вкусно. Вот, видишь? – «Одуванчик»

вытянула вперёд руку с дымящейся «Примой». – Думаешь, у нас есть такие радости? Да черта-с два! Жарко, воняет серой и грешники орут, как не в себя. Сил нет, насколько бесит. К обеду головная боль и изжога. Мессир вечно раздражен. Нет уж, спасибо. Любая работа только в радость. Я совсем не планирую тратить отведенное время на то, чего и дома хватает. Хочешь рога? Надень, да ходи. Долго не протянешь, заметут, но это твое желание, кто ж запретит?

– Вы... – Я погрозил Наталье Никаноровне пальцем, – Вы это бросьте. Свои сказочки. Давайте говорить по существу.

– Давай. Кто ж против? Это вон ты время впустую теряешь. – Бабуля затушила папиросу о деревянную ручку дивана, потом закинула «бычок» себе в рот, задумчиво пожевала его и проглотила.

– Если это попытка доказать, что Вы не человек, то не особо впечатлило, если честно. Жрать всякое дерьмо и люди горазды.

– Больно ты мне нужен, доказывать. Я тебе фокусник, что ли? Вкус нравится просто. Так то перед тобой один из сильнейших представителей нашего рода. – Бабуля приосанилась, демонстрируя свою сомнительную значимость.

– Подождите... А Белиал. Он тогда кто? Тоже демон, если следовать Вашей логике?

Поражала абсурдность нашей беседы. Ещё удивительнее, что я вообще об этом говорю. Сам. Вслух. Кто бы предположил подобную ситуацию всего пару дней назад, рассмеялся

бы этому человеку в лицо. Однако, факт того, что в данный момент нахожусь реально там, где по всем законам логики и разума меня быть не должно, сдерживал огромное, просто огромное желание послать сидящую напротив старушку в белой вуальке на хрен.

– Белиал? А то ж кто. Демон и есть. Эрцгерцог... чтоб ему обосраться. Но вёл Легионы, сволочь такая. Выслужился. – Наталья Никаноровна выплевывала слова с яростью. Кем бы не был «Клетчатый» на самом деле, похоже, «одуванчик» его ненавидит. – Силен гад. Второй после Люцифера. Но ничего. Придут времена, когда Мессир поймет, кого пригрел на груди.

– Черти что... – Я нервно хохотнул и обхватил голову руками. Виски сжимало заново нарастающей болью. Информация, которую сейчас слышал, категорично не хотела укладываться в мой мозг. – Так. Ладно. Он – демон. Вы – тоже. Как в этой схеме оказался я?

– А вот это, Ванька, интересная История. Ты, в некотором роде, ни при чем. Дело в твоём деде. Он имел неосторожность совершить поступок, который сильно скажется в будущем на расстановке сил.

– Каких сил? Что ещё за силы?! Может, достаточно уже мистики?

– Ох, да... Ты же у нас неверующий. Хотя, кое-кого в своих словах упоминаешь. Но мы... ммм... мы о нем говорить не станем. Не хочу даже вслух произносить. Да и нельзя мне.

Ладно, давай сначала. Шахматы по любому видел. Так? Игровое поле представляешь? Ну вот все вы, люди имею ввиду, – это фигуры. Только кто-то пешка, а кто-то королева или ферзь. Кто-то проживет свои отмеренные годы и растворится удобрением в земле. Никому не известным. А кто-то станет главной фигурой. Каждые сто лет у нас – шахматная партия. Ходят белые, потом черные. Понимаешь?

– Каждый год у нас есть традиция. Мы с мужиками ходим в баню... – Отчего-то совсем ни к месту вспомнилась эта фраза из старого фильма.

– Какая баня, Иван? Соберись! Сейчас Лизка вернётся, не поговорим. – Бабуля сурово нахмурилась, а потом икнула, выпустив облачко дыма. – Говорю же, изжога. А ты мне нерв делаешь.

– Она не знает?

Слова о Лизоньке вызвали в душе лёгкую грусть. Все же хороша девчонка. Если мы будем работать вместе, то это скорее минус. Не завожу романы на работе, а вот с ней хотелось бы очень. Завести что-то приятное.

– Нет, не знает. Лизка и правда ведьма. Но в истинный ход событий мы не посвящаем людей, которые являются пешками.

– Ладно. Каждые сто лет. Ну, а дальше?

– Так вот, дед твой в этой партии оказался ферзем. Самой сильной фигурой. Твоя задача, не допустить случиться одному весьма важному событию...

– Подождите. – Меня посетила маятная мысль, от которой поплохело. – Сейчас 1941. Речь о войне? Мне нужно ее предотвратить?

– Тьфу, ты! – Бабуля раздражённо отбросила свой ридикуль, с которым до этой минуты сидела в обнимку. – Откуда такое самомнение? Дед то твой тут при чем? Его же не Адольф зовут. Где вы этой глупости набираетесь? Какую, к черту, войну? Голову включи! Война – это как раз то самое поле, на котором идёт начатая партия. Она неизбежна. Как ты ее предотвратишь?

– Да я откуда знаю?! Вы же сказали, роковое событие. Может, дед, то есть я, должен Сталину правду рассказать. Может, отправиться в Берлин и грохнуть Гитлера.

– Ну, ты... вообще что ли? – Наталья Никаноровна заметно разнервничалась. Ее сморщенное лицо пошло красными пятнами. – Даже если сейчас все обозначенные тобой лица исчезнут с лица земли, война все равно будет. Вторая мировая, как ты знаешь, уже идёт. Но события начали раскручиваться не с появления у чудесной Клары ее ненаглядного сыночка Адольфа. Если не он, так другой. Оба эти человека, которых ты упомянул, – орудие. Они выполняют свою роль. Не более. Однако, если что-то случится с данными гражданами, их роли лягут в судьбу других исполнителей. Может, чуть менее подходящих, может, чуть более. Партия в итоге разыграется чуть иначе. Но она будет! Нет. Это забудь.

– Слава богу... – Старушка поморщилась, а мне реально

стало легче.

Не потому что не хотел бы избавить свой народ от того, что ему предстояло пережить. Просто, не подходил я на эту роль. Никак. Точно знаю. Взять огромную ответственность на себя не хотел бы. А ну как напортачу ещё больше. И это более вероятно.

– Ты, видать, не совсем дурак... Глядишь, не все потеряно. – Бабуля заметно успокоилась после моих слов. – А то бывали случаи, один к Ваньке Рюриковичу побежал. Решил, щас Россию империей сделает, лет на сто пятьдесят раньше. Идиот. Ну и что? Хорошо на колу смотрелся. Красиво. А тут видишь, в чем дело... Душа то она, конечно, твоя. Тело – Иваныча. Но, если так выйдет, что по какой-либо причине ты свой сосуд разобьешь, не надейся, как ни в чем не бывало, очнуться в родной квартире родного времени. Переместить дух должен Проводник. Сам по себе он шлаться туда – сюда не может.

– У меня сейчас мозг взорвется, отвечаю. – Я покачал головой, сам не веря в то, что на полном серьезе говорю со старушкой, утверждающей, будто она демон, о всякой мистической ерунде.

В этот момент вдалеке хлопнула дверь. Похоже, прекрасная фея Лизочка, возвращалась обратно.

– Ешкин кот! Событие то какое?! От чего нужно Иваныча уберечь?! – Я вскочил со стула, поставил его в нормальное положение, а потом снова уселся, но уже, как культур-

ный человек.

– А мне откуда знать? Нам известен итог. Сам момент, рубеж, так сказать, ты определить должен. Звезда Давида выбрала тебя. Я вообще другие кандидатуры предлагал. Тех, кто поболее разбирается во всем. Белиал, видишь, упёрся. Мол, Звезда лучше знает. Родная кровь и все такое. Так что теперь смотри, ищи.

Лизонька появилась из-за стеллажей. В руках у нее был поднос с тремя кружками чаю, на лице – выражение неприязни. Очевидно, бабуля предметом таких эмоций быть не могла, соответственно злилась блондинка на меня.

– Нашли прислугу!

Девчонка приблизилась к одному из столов, водрузила на него свою ношу, взяла осторожно кружку и направилась к Наталье Никаноровне, чтоб усесться рядом. Видимо, предполагалось, остальные сами себя обслужат.

– Итак, Лизка, Иван ещё не в курсе дел. Я выяснила, пока ты прохлаждалась... – Блондинка тут же обожгла родственницу взглядом. Мол, «ты же сама меня послала, стерва старая». Вот такой это был взгляд.

А я рассматривал фею, которая в приступе злости стала ещё красивее, и не мог сообразить, как демон, если это реально он, оказался бабкой Лизы? Или девчонка понятия не имеет, кто сидит рядом с ней?

Что интересно, старушка теперь выглядела иначе. Нет, внешне всё было на месте, и жабб, и шляпка, и хриплый го-

лос, но она опять стала как-то меньше. Будто сдулась. Хотя, в отсутствие Лизы, было ощущение, что я говорю не с ней, а кем-то другим. Кем – то более мощным, что ли. Только сейчас это понял.

– Так вот, не́чего мне тут копыта глазами метать, слушай лучше. Никакого уважения к старшим. – Проскрипела бабуля, а потом вдруг резко повернулась к Лизоньке лицом и со всей силы постучала пальцем девчонке по лбу. Звук вышел достаточно громкий. – Голову включи уже. Хватит свой мерзкий характер показывать. Не время! Иван у нас на замену ликвидированного Владлена...

– В смысле ликвидированного? – Формулировка меня сильно заинтересовала.

Все, конечно, круто, но сложность в том, что время, в котором оказался, практически полностью ограничивает мои возможности. Бывало всякое. Места, люди, опасность. Ещё в ОМОНе складывались ситуации, когда припекало. Про СОБР вообще молчу. Последняя командировка перед уходом в уголовный розыск стала той самой точкой, когда я понял, хорош. Следующий раз может оказаться последним. Но там я был среди своих, и мне не нужно было двадцать четыре часа думать, как бы не спалиться. Неверное слово, неправильный жест. Поведение, опять же. Без всяких сомнений понимаю, в моем времени, все совсем не так, как здесь. Если уж на то пошло, бо́льшая часть профессиональной подготовки для чекистов будет выглядеть очень подозрительно.

– Убили его. Говори, как есть, бабушка. – Язвительно прокомментировала Лиза, – Что? Страшно?

Ее, почему-то ужасно задевал факт моего появления. Вернее, появления Ивана. Такое чувство, что блондинка не считала деда достойным. Стало даже немного обидно.

Для начала, количество медалей и орденов несомненно говорило о том, что Иван служил на совесть. Это, кстати, тоже сейчас давило тяжким грузом. Пусть мы не были близки, но я точно знал, дед – настоящий профи. Тогда за красивые глаза наград не давали. Война его тоже коснулась, между прочим. Ранения были, видел сам старые следы. А тут такая реакция со стороны блондинки, будто из всех неподходящих, самого неподходящего привели.

Зря я поверил в улыбку и игривый взгляд, когда она свой гипноз, или что там у нее, проверяла на мне.

– Убили, потому что дурак. – Отрезала Наталья Никаноровна. – Ему сколько раз говорили, не надо считать себя умнее других. Иван посообразительнее будет.

– Посмотрим. – Лиза принялась пить чай, при этом изучая меня глазами через край кружки.

– Вот тебя задело то... Слышь, Иван, задело нашу королевичну. – Бабуля качнула головой, указывая на девчонку. – Ведьмой стала всего ничего как. А гонору то... Забыла? Господа в 17-м исчезли. Так что нечего мне тут дворянскую кровь изображать. Гонор умерь!

– Почему он?! – Фея вскочила на ноги и развернулась к

сидящей спокойно на диване Наталье Никаноровне. – Вытащил его товарищ Тихонов из грязи, отмыл и теперь Иван будет дело делать, а я опять тут сидеть?! Глянь на него!

Девчонка совершенно по-хамски ткнула в меня пальцем. Жаль, вторая рука кружкой занята, а то бы обеими показывала, чтоб наверняка. Так ее сильно крыло от злости.

– Ну? Гляжу. Гляжу и вижу, Никита Пахомович молодец! То, что надо нашел. Ты, дура такая, знаешь ведь, с чем нам приходится сталкиваться. Чем устойчивее ум, чем крепче вера только в себя, и ни во что больше, тем меньше человек подвержен влиянию. Ты глянь на Ваньку то. Глянь говорю! – Бабуля топнула ногой. Наверное, если бы Лиза стояла ближе, то она бы ее лягнула. Прямо из положения «сидя». – Непробиваемый. И сегодня ночью. Ты бы там все углы заблевала. Знаешь, что их ждало? А? Знаешь? Тринадцать детских тел, разложенных в круг. Взяли, похоже, беспризорников. Разыскали, чтоб жалоб не было от родных. Да ладно заблевала бы. С уродом, который им глаза вырезал и рот от уха до уха, ты бы как справилась? Думаешь, прям начала очи свои проклятые «строить» и он поплыл? А Ваньку не берёт ничего.

– Стоп!

И бабуля, и злая, как фурия, Лизонька, одновременно уставились на меня.

– Вырезаны глаза? Рот рассечен, будто оскал?

– Ты чего, Иван? Сам же там был. Неужто сильнее головой ударился, чем доктор сказал? – Наталья Никаноровна опу-

стила голову и выразительно посмотрела на меня исподлобья, намекая, чтоб за языком следил.

Я же бестолково таращился на обеих женщин, но словно не мог их разглядеть. Это приколы такой? Или что? Я здесь, в 1941 году, чтоб исправить нечто совершенное дедом. Хорошо. Пусть. Так понимаю, мне предстоит неплохо потрудиться в НКВД, потому что, какой именно его поступок нужно исключить, никто не знает. Или знают, но глумятся. Как бы то ни было, в день вряд ли уложусь. В неделю, тоже сомневаюсь. А там, глядишь, и войну застану. Если меня раньше к стенке не отправят. Все. Смирился. Даже верить начал. Но...

Первое убийство, которое мне в разработку дали три месяца назад... Там, дома. Я помню, матерился по чем зря. Молодая девушка. Глаза были удалены. Рот разрезан от уха и до уха. Убийца ещё, как будто издеваясь, края этого месива, которое было на лице жертвы, раздвинул так, чтоб выглядело, будто улыбка Джокера.

– Ага... – Я провел рукой по затылку. – Сильно ударился. Провалы. Вот сейчас вспомнил.

– Ладно. – Лиза успокоилась, все же мое здоровье ее немного беспокоило, и села обратно. – Посмотрим, как оно будет. Сейчас товарищ Тихонов уже освободиться должен. Расскажет тебе всё подробно.

– Даааа... Товарищ Тихонов расскажет, а потом, Иван, ты к нам в гости приходи. – Бабуля смотрела пристально. Она явно поняла, что-то потряхнуло меня, как котенка за шиво-

рот. – Посидим, поговорим. Глядишь, Лизка поумнеет.

Я кивнул, но на самом деле, думал только о том, как бы из товарища майора государственной безопасности вытянуть без подозрений всю нужную информацию. И об их этом 13-м отделе, и о том, почему спустя восемьдесят один год, мне досталось дело об убийстве, которое, пусть не точь в точь, но сильно похоже на то, что рассказала Наталья Никаноровна.

Глава 6

Лиза была права. Не успел прийти в себя после внезапно выяснившихся деталей, которых я не ожидал вообще никак, в хранилище вошёл майор. Выглядел он ещё более задумчивым, чем на момент нашего с ним расставания.

– Познакомились? – Тихонов не стал садиться. Кивнул Наталье Никаноровне, на девчонку вообще не глянул.

Интересно... Причем, она этот нюанс игнора тоже заметила. Поджала недовольно губы, но взгляд опустила вниз. Боятся, что ли майора?

Тихонов глянул на меня, а потом указал в сторону выхода. – Идём. Нужно ещё в одно место съездить. Со мной будешь. Заодно доктору покажешься.

Я, конечно, встал и пошел, старшему по званию тут, похоже, вопросов не нужно задавать, а в моем случае и подавно, но с бóльшим удовольствием прихватил бы ещё кого-то в компанию. Опять вернулась тревога. С майором государственной безопасности разговаривать – это не диалог с Натальей Никаноровной вести, которая про демонов мне захватывающие истории рассказывает. Не важно, правдивые они или нет. Даже если старушка просто не в себе, при ней можно быть спокойным, бестолковиться, сколько угодно. Ее ничего не удивит. Куда уж удивительнее поведения самой бабули. Ну, а если принять слова этой дамочки за истину, так

там вообще руки развязаны.

Честно говоря, я ещё не определился, как относиться к той версии, в которой она хотела меня убедить.

Говорить можно, что угодно. Я себя вполне могу папой Римским назвать, но от этого меня в Ватикан не позовут. Возможно, как нормальному современному человеку, мне хотелось увидеть глазами, а лучше потрогать руками. Пока что только сомнительная информация.

– Отправимся в «Коммунарку». Ты как? Нормально?

Не знаю, о чем он говорил, и к чему именно относился этот вопрос: к той реакции, которую у меня должно было вызвать незнакомое слово или к моему состоянию вообще. На всякий случай кивнул в ответ молча. Если так продолжится, голова скоро, как у болванчика, будет автоматом вверх-вниз ходить.

Тихонов пропустил меня вперёд, сам шел следом. Перед тем, как зайти за стеллажи, я оглянулся.

Наталья Никаноровна тоже, в свою очередь, следила, как мы с майором уходим. При этом, она была слишком серьезной, совершенно не похожей на ту странноватую особу, с которой я спорил буквально недавно. Меня словно зацепило чем-то холодным и неприятно-вязким. По спине прокатилась раздражающая волна мурашек.

– Под ноги смотри. – Резонно заметил майор за моей спиной.

Я послушался совета, но даже отвернувшись от бабу-

ли, испытывал дикое желание посмотреть на нее ещё раз, убедиться, не показалось ли мне это. Лёгкая, простоватая, иногда придурковатая манера вести себя, словно мы с ней на брудершафт пили раз сто, уже не соответствовала тому взгляду, который успел сейчас поймать. Даже лицо Натальи Никаноровны в момент будто изменилось. На долю секунды оно стало чуть шире в щеках, твёрже подбородком, более громоздким. Возникало ощущение, из-за облика женщины преклонных лет выглянуло нечто другое, гораздо более опасное, чем меня упорно пытались все это время убедить. При чем, убедить очень настойчиво.

Невольно подумалось, вполне же разумно. Не хочешь, чтоб окружающие знали твою истинную цену, заставь их себя недооценивать. Такие они оба веселые, и Белиал, и Никаноровна, не вызывают опасений, благодаря этому. Дураки дураками. Но забывать очень умную мысль, которую, кстати, когда – то сказал мне дед, наверное, не стоит: зачастую все не так, как кажется. Уж тем более, если кому-то это выгодно.

Я запомнил его слова потому, что услышал их в определенных обстоятельствах. Дед, не смотря на то, что мы жили в одной квартире, практически не говорил со мной. А я и не стремился. Очень наше обоюдное молчание устраивало. Утром встречались в ванной, изредка могли пересечься в кухне. Да и как жили, очень относительно это можно назвать подобным словом. Почти сразу я ушел в армию. Вернулся, двинул в ППС, сам не знаю, почему. Наверное, это все ещё

был своеобразный бунт, назло почившим родителям. Для отца все, связанное с органами, представлялось чем-то отвратительным.

Договорился в местном институте об учебе, чтоб являться только на экзамены, и то с открытой предварительно зачеткой. Выдержал полгода и уехал на Север к сослуживцу, который звал с большим энтузиазмом, расписывая все красоты службы именно там. Попал в ОМОН, благодаря все тому же сослуживцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.